

Росси'я. - 2005. - 15 - 21 сент. - с. 14

Беседовала
Ирина Жукова

Он многолик не только на сцене, но и в жизни. Александр Пороховицков — человек, в биографии которого есть дворянский титул, легендарный дед — изобретатель танка и судна на воздушной подушке, собственные роли в фильмах Никиты Михалкова, Владимира Мотыля, Станислава Говорухина... Он играл чекистов и прокуроров, офицеров и простых честных людей, став для россиян символом высокой порядочности и верности долгу и Отечеству.

— Александр Шалвович, что вы вкладываете в понятие «Россия»?

— Мой прадед, Александр Александрович Пороховицков, который при жизни много сделал для матушки-России — субсидировал строительство храма Христа Спасителя, давал деньги на многие благотворительные акции, был публицистом и просто одаренным человеком, — умирал в момент начала революции, за окном стреляли, и он услышал этот шум, крики. Тогда он вздохнул и произнес: «Пропала Россия!» Закрыл глаза и умер. А его сын и мой дед, тоже Александр Александрович, принял революцию и много сделал для советской власти: был изобретателем первого в мире танка, первые военные серийные самолеты выходили при его участии; сейчас говорят, что он родоначальник судна на воздушной подушке. А что в итоге? Девять граммов в затылок — расстреляли ни за что. За то, что родился дворянином. Не бывало людей белые и черные. Белый только Иисус Христос. Посмотрите на себя в зеркало: сколько в лице оттенков. Этим и интересен человек его жизни. Другое дело, какой цвет ты сам в себе любишь держать. Палитра богата, красок множество, но каждому человеку нравится свой цвет — зеленый... Или синий. Или красный. По общему оттенку это даже можно сравнить с музыкой. Я, к примеру, музыку очень люблю — разную. Но больше всего нравится, когда играет одна труба. Люблю, когда идет один чистый звук. А кто-то любит звучание целого оркестра. Так и герои, которых я играл: они не белые, не красные и не черные — они многоликие, в них все оттенки. Во всяком случае, я старался их сделать такими.

— Мне кажется, что вам это здорово удавалось.

— Хочется надеяться. Во всяком случае, это производило впечатление даже в советское время. Был такой случай. В фильме «Иди вора» я играл жесткого царского офицера. Фильм шел во многих местах, и однажды даже он был показан будущим офицерам госбезопасности. Так вот, после просмотра вышел генерал и, обняв меня за плечи, сказал: «Мы гордимся, что наш советский артист создал образ сильного врага. Мне бы хотелось, чтобы наши будущие офицеры брали с вас пример, чтобы они говорили: «Посмотрите, как сидит на нем форма, как он ее носит, как он тверд в своих убеждениях, как он любит свою Родину». Это был умный генерал, он понимал, что офицер — это особые формы поведения.

— То есть он понимал, что надо брать от прошлого все лучшее.

— Конечно. Хотя в нашей истории было много и негатива. Тут старуха покойная рассказывала, у которой я останавливался, когда ездил в западные районы России, которые во время войны попали в оккупацию. Я говорю:

«Ну расскажите, бабуля, как тут война-то шла?» «А мы и войну-то не видели никакой», — отвечает. — Мужиков забрали всех, а мы тут померли все». Я спрашиваю: «Почему?» «А потому, что нас пьяница-председатель заставил сажать там что-то, и когда кокнули, наткнулись на валуны, которые остались еще с ледникового периода. И он приказал нам, женщинам, и калекам такие здоровенные камни носить, которые я даже поднять-то не могла». И, конечно, все недоразумелось, потому что женщина ведь рожать после этого не может. Вот она рассказывала, что мы, мол, с моим стариком сидим, и вдруг стук в дверь осторожный. Открываем — немцы. Заходят: молоко, дескать, давай, молоко, яйца. Развешивают портянки, сушат одежду, кто-то на губной гармошке пикирует, потом нам галеты дают, консервов несколько штук, отдохнуть, уходят. Через 5 минут стук в дверь, да такой, что дверь с петель срывается. Мой старик открывает, выходит, а ему в морду сразу и по зубам. Зубы все вылетают — партизаны. Ах ты, мол, сучок поганый, сука ты продажная, а ну давай сюда всех кур, все, что есть, — все забирают. И вот так периодически все время. И еще ставят к забору, как предателей, расстреливать: выпьют, нажгутся и над головой палат.

— Наши?

— Да, наши. Куражились. Если написать, никто же не поверит — такого быть не могло. Могло. Могло! Или вот еще. Два мужика там жили. Один за наших воевал, а другой — за немцев. И один на том берегу живет, другой — на этом. А я посередине на лодке сижу, рыбачу. И вот они нажгутся, кричат друг другу: «Ну, ты, тварь фашистская, суконок! Погоди же, гад небодный! Я до тебя еще доберусь!» А тот: «Заткнись, кабанчик! Ну, чок, ЧК проклятая!» «Интересный» диалог у них был. Тишина, значит, и вот через озеро они шуршат меж собой, а все слышно же. В то время это надо было все записывать... И они оба в один день умерли. Один скончался, а второй ушел от об этом, сел, выпил и от белой горячки «сгорел». Вот ведь как бывает...

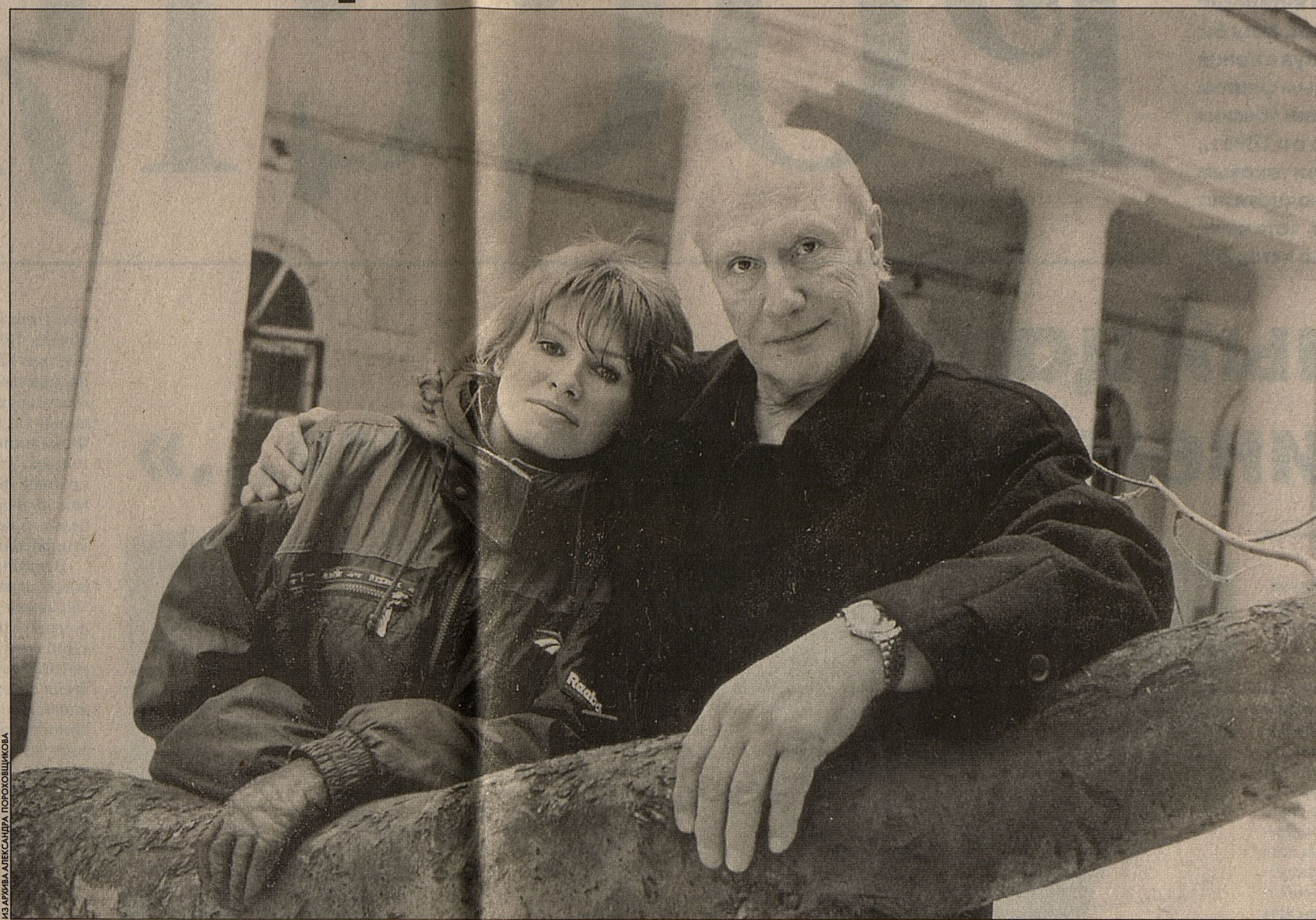
— Тем не менее негатив не всегда хорош при воспитании патристических чувств...

— Мы должны опираться на все лучшее, что сделали наши предки. Не зная прошлого, будущего не увидишь. Хотя у нас и здесь перекося. В последнее время куда ни плюнь, везде князя и графы. Понятно, что новая власть нуждается в собственном элите. Но почему она не создается, а фальсифицируется? У меня был знакомый, к сожалению, он умер. У него однажды (дело было в середине 90-х) появился диплом, в котором было написано: князь такой-то. А чуть ниже и статус определен: новая элита.

— Другими словами, аристократизм должен быть в душе, а не на бумаге?

Александр ПОРОХОВИЦКОВ:

Мои герои не белые, не красные и не черные — они многоликие

Александр Пороховицков с супругой Ириной

— В том-то и дело. Сначала нужно научиться не плавать и не сморкаться на улицах. Это будет первый шаг к аристократизму духа. Начать уважать себя, свой род, свою страну. Это не высокопарные слова. Когда умирают любовь к своей стране и гордость за нее, многое впадает, в том числе футбол и хоккей. За кого сражаются, за какой флаг? За деньги. Деньги не имеют национальности. Да и за кордоном их дают больше. А вот если бы у тебя на груди было начертано: «РОССИЯ», то ты бы «свел» этого Марadona или умер вместе с ним на футбольном поле.

— А вам когда лучше жилось — в советские времена или сейчас?

— Ругать то время, в котором ты родился, дело неблагодарное. Если же спрашивать, когда мне было лучше — тогда или сейчас, отвечаю, что сравнить удаленные друг от друга годы глупо. Конечно, чисто эмоционально, по-человечески мне было там теплее, потому что там я родился, там были бабушка, мама, дедушка, были елочка, игрушки под елочкой. В те достопамятные времена можно было выйти в лес, и если навстречу идет человек, то ты ему рад, приветствуешь его, пожимаешь руку. Наслаждение можно увидеть человека, с которым в одно время живешь, вместе дышишь, смотришь на небо, солнце, — радость была от встречи.

Сейчас же, если ты в лесу видишь человека, то за сто метров кричишь: «Кто такой? Отвечай! Иначе стрелять буду». И тебе в ответ то же самое, а иногда и палат. Вот ведь в чем суть. И в работе так же все происходит.

Сейчас любят повторять, что раньше, дескать, была цензура, а теперь ее нет. Ерунда. Цензура была и будет всегда, пока есть государство. У этого государства своя идеология. Ее должны поддерживать соответствующие структуры. Все это власть всегда и везде отслеживает. А то, что в газетах иногда все подряд пишут, так газеты — это поминальная яма. Туда всю грязь сливают, да еще пыль в глаза пускают: дескать, смотрите, какая у нас демократия. Раньше, в советскую эпоху, был Театр на Таганке. Правительство он был нужен, чтобы водить туда иностранцев и наглядно демонстрировать им наличие в Советском

Союзе демократии. Показуха была, есть и будет. А также была, есть и будет жесткая рука, которая тотчас же придирается, если кто-то станет слишком смелым.

— То есть вы считаете, что тоталитаризм продолжается?

— У нас малокультурный, жлобский тоталитаризм.

— Азиатский?

— До азиатов нам еще дойти надо. У нас просто хамство. В морду кулаком — и молчи, а то зубы выбью. Вот какой. У них за границей законы соблюдают. Не выплывай законы — будь любезен, отойди в сторону, мы с тобой разберемся. Не платишь налоги — с тобой серьезно поговорят на языке закона. А у нас все уговаривают: плати, плати, голубчик. Жулик едет на «Мерседесе», и все знают, что он жулик, но никто его не трогает. Только кричат за спиной. Разрешать воровать нельзя, но и огульню обвинять неверно. Конечно, все мы понимаем, что за работой честно «Мерседес» сегодня могут процентов десять из тех, кто на нем ездит. Но если это вас задевает, то тогда идите в суд и докажите, что это темные дела. А не кричите, что он вор, потому что ярыжки клеят вам тоже никто не давал права, даже если он вор. А у нас все крики называются свободой.

— А как на театре сказались новое понимание сво-

боды? Возникают параллели с прошлым?

— Были в искусстве тяжелые времена, потому что парторганизация руководила всем, и куда ни сунься, везде сидели люди, которые как раз в театре мало что понимали. Но цензура была жесткая. С одной стороны, это давило и мешало, а с другой — в то время шедевры рождались. Была одна-единственная партия, но с людьми, которые от нее были в нашем чеху искусства, можно было разговаривать, они понятия изъяснялись. Говорили или «да», или «нет». И ты твердо знал, что если «нет» — так «нет». А сейчас ни «да», ни «нет» — вообще ничего! Сей-

час все упирается в деньги. Вот когда я деньги вынул, тогда я услышу сразу слово «да», одно только слово «да». Но для этого надо иметь очень много денег. А как их иметь? Значит, надо убивать и воровать — вот и все. На это девятую часть процентов нашего населения не способно, поэтому и влечет существование. Ни в одной стране мира такого не может быть, чтобы тебе без конца в рот вливали грязь, а ты еще что-то говоришь в благодарность.

— Да, деньги съедают человека. Насколько мы помним, в «малоприятельную» советскую эпоху человек с умом и талантом мог рассчитывать выбиться наверх. Теперь же ум и талант — дело второстепенное. Зато, имея деньги, можно не обременять себя умом и талантом. Вам лично приходилось сталкиваться с таким ходом вещей?

— Дело в том, что раньше и министры культуры были несколько другие. Да, вы же находили у Фурцевой всякие отрицательные качества. Так ведь у каждого человека есть негатив. Но она была все-таки милой женщиной, красивой и прислушивалась к людям, которые разбирались в искусстве, спрашивала совета. Сейчас же сплошная демагогия. Не хочу никого обидеть, я говорю о системе оценки. Вдруг смотришь — кто стал народным артистом.

Как он звание получил — загадка. Звание то можно и купить, а всенародное признание — никогда. Я, честно говоря, отменил бы все эти звания. Это раньше было рынком, чтобы держать нас в узде. Чтобы между нами сваря была. Кто-то заслуженный, кто-то народный, кто-то вообще ничего ни имеет. Я представляю, на могиле Владимира Высоцкого на камне было бы написано: народный артист Советского Союза.

— Да, действительно странно бы смотрелось: народный артист СССР Владимир Высоцкий. Другая бы личность за этим стояла.

— Конечно. А в бесхитростном сочетании имени и фамилии — Владимир Высоцкий — скрыты подлинные любовь и признание.

— А сейчас среди ваших товарищей по цеху есть воститители дум? Можете назвать кумира, но не поповско, а такого, как Высоцкий, выражающего чуждого и боль поколения?

— Я такого не вижу. Думаю, ему не на чем вырасти, такому «ответчику» за общечеловеческие грехи. В искусстве всегда были несообразительные успехи и провалы, а сейчас все средненько. И провалов нет, потому что нет и взлетов. Нет потрясений. Ничего. Редчайший случай, если кто-то с чем-то прорвется. В музыке есть — замечательные дирижеры, исполнители. Есть талантливые люди, конечно, есть. Но основная масса сейчас малокультурна. И эти бесконечные сериалы. Я даже не могу назвать лица актеров. Они в большинстве своем непрофессиональны. И сценарии такие же пишут. А так как сейчас это все за деньги, то крутятся масса писак, которые, как блины, пекут свои многопудовые сценарии. Знаете, как это делается? Нужно сесть перед видеом, поставить кассету с бойком, но уже отработанным фильмом, заменить имена — и все. Затем по секундомеру высчитываешь сцену — динамику, ритмику, и литературная основа фильма готова. Можно, сидя дома и нигде не уходя, быть добротным сценаристом. Можно быть плагиатором, но конъюнктуру чувствовать талантливо. Успех в этом случае тебе обеспечен.

— Кто-то же их поддерживает, этих конъюнктуристов. Мы были свидетелями того, как на съемках одного клипа, где пела средненького

уровня девочка, заслуженные артисты в один голос твердили: «Какая талантливая девочка, как ты поешь, ой, у тебя большое будущее». Прошло лет пять. Девочки нигде не видно. Видимо, деньги на раскрутку закончились. Но ведь кто-то за деньги откровенно льстил, задумываясь об истине. Вам не кажется, что в этом лицемерии вина вас, актеров, тоже есть? Актеров, которые восхищаются за плату?

— Нет, я не отношусь к таким людям. Кривить душой не умею. Даже если будут за это платить, не возьму. У меня ценности другие, меня воспитывали в других условиях. Есть воздух, солнце, природа, люди, с которыми ты рядом живешь. Ну что у нас — на хлеб не заработаешь? Можно заработать. Без всякого воровства, спокойно. Конечно, хочется жить лучше, на мир посмотреть. Для этого оплата должна быть другой. Но мы с вами словно в каменном веке живем. Дико все и бездумно — по-варварски.

— Как же театры в таком хаосе выживают?

— Так и выживают — не живут, не творят, а выживают. Редчайший случай — театр Табакова. А другие влачат жалкое существование. Оплата актерского труда была и осталась бюджетной. Один суперталантливый актер, на которого вся Москва ходит, получает столько же, сколько маловостребованный. А какой же смысл этому актеру или актрисе, на которых весь театр держится, ходить за эту зарплату работать. Конечно, бегут в кино, садятся писать сценарии, все сами начинают делать. С одной стороны, это хорошо, с другой — конечно, жалко. Актерской профессией надо заниматься глубоко. А приходится расплываться, потому что жить-то человеку надо.

— Но ведь не может актер быть и сценаристом, и режиссером.

— Может, но это редчайший случай. Я по себе знаю: пишу сценарии, снимаю кино, сам играю, а если нужно, буду и музыку писать. Другое дело, как это оценят зрители. Беря на себя так много, нужно все время себя контролировать, критиковать. У меня должна быть совесть, внутренняя дисциплина. Это сейчас во многих отсутствует. Посмотрите, ведь у нас не играют ни «Бориса Годунова», ни «Отелло». Потому что эти роли надо «рвануть».

Это «штанги», которые надо уметь поднять. А для того чтобы их поднять, надо иметь крепкое духовное зорье, талант и мощные «мышцы», — а их нет. Поэтому играют всякую белиберду.

— Вы сами сыграли роль мафии...

— Она очень мне дорога. В любых ролях я играл не потому, а человека, так как меня всегда интересовали личности. Я и в жизни люблю таких людей, которые имеют свою точку зрения. Пусть она даже неправильная. Но это твоя точка зрения. Максимально, немногословные люди, но если такой скажет — так в точку. Как правило, эти люди расходились с идеологией. Одни уходили в религию, другие становились мафиози. Ведь мафиози не рождаются, их «создает» общество. Пролетит жизнь такого человека, его судьбу будет очень интересно. Образ Ковалев мне дорог тем, что я как бы прошел с ним жизнь. Я пытался играть не мафиози, а человека (да, совершившего много ошибок). Но кто их не делает? Он не стоит над людьми, он такой же, как они. И этим симпатичен зрителям.

— Давайте перейдем к очень интересному сюжету в вашей жизни. Вы — человек, собравший сведения о двухстах членах вашей фамилии. Как вам это удалось?

— Нет, не только моей фамилии. На фестивале в городе Сан-Рафаэль, который проходил во Франции в 1991 году, я показал фильм «Цензура к памяти не допускаю», где сам лично выступил и сценаристом, и режиссером, и даже исполнил центральную роль. Фильм получил главный приз «Золотой парус». После этого на Западе прошла информация, и родная стала откликаться отовсюду, из всех уголков земли. Не мы действительно вот в этом доме-музее Пороховицковых хотим осветить историю Свиридовых, Романовых, многих других родов. Надеюсь, знать историю своих бабушек и дедушек.

— У вас, насколько мы знаем, есть кем гордиться...

— Да. Это были люди, которые гордились тем, что они живут не в Америке, а в России, они любили свою страну, свой народ. Я тоже в каком-то смысле их продолжаю. По сей день, когда звучит гимн России, у меня мурашки идут по коже, потому что эта музыка написана на родом через композитора Александра. Это талантливые написанная музыка. В ней есть характер большого, великого народа. Вот текст на то, чтобы убрать. Тот текст, который сейчас написали, нельзя даже произносить. И слава Богу, я в этом мнении не один. Я считаю, что нам надо лет двадцать под эту гениальную написанную музыку просто помолчать. И люди, историю которых я по крупицам собираю, настолько чувствовали свою причастность к Родине, что, когда поднимался российский флаг или звучал национальный гимн, они плакали.

— Жизнь за царя?

— Да, жизнь за Отечеством и за царя они отдали были готовы, но тем не менее офицер, стоя перед царем, которому присягал жизнью, мог сказать ему: «Вы можете меня расстрелять — оскорблять себя я не позволю». Я часто привожу в пример этот эпизод. Потому что он меня потряс. Какое было человеческое достоинство. Я горжусь тем, что изучаю историю своих предков. Это были люди, которые много отдали государству. Как многие фабриканты, богачи, как Савва Морозов, первую свою прибыль они клали в казну государства, а уж потом себе в карман. А у нас не только в казну, а из казны еще себе кладут. Мне есть кем гордиться. Я считаю, что каждый человек должен оглядываться назад и смотреть, что дал у него за спиной. Это дает опору.

Слова

Владимир Мотыль:

В нашей стране всегда была сильная традиция актеров ярких красок и широкого мазка. Такими были Борис Ливанов, Николай Симонов, игравшие с непередаваемой энергией — просто крупно! Это была одна из сильнейших сторон русской актерской школы, которая завораживала зрителя и вызывала огромный отклик за рубежом. И Александр Пороховицков — яркий представитель школы актеров крупного мазка, большой внутренней энергии. Я вспоминаю, как мы с ним общались на съемках «Звезды пленительного счастья». Роль у него была небольшая, но я не могу себе просто представить, чтобы убрать Пестеля, который больше молчал. Но сколько энергии в этом взгляде! Сколько искренней и органичной значительности, которая, к сожалению, утрачена в последнее время новым поколением актеров, для ко-

торых Александр Пороховицков как раз и олицетворяет собой укор и образец для подражания.

Евгений Стеблов:

С Сашей мы довольно близко общались с середины 60-х годов до начала 70-х. Мы тогда жили рядом, встречались, играли в шахматы, беседовали о женщинах, о славе, о любви (соответственно тому возрастному периоду, в котором мы находились), фантазировали. У меня тогда карьера уже была более определенной, потому что я стал определенное положение. У Саше же был такой период, более неопределенный. Поэтому я рад, что его карьера состоялась, что он достаточно самовыразился, снял в свое время «Цензуру к памяти не допускаю». Сам факт, что Саша сделал эту картину, говорит о том, что он молодец.